

Владимир Волнов

Настоящее место нашего проживания – память

Время съедает память. Чем дальше мы удаляемся от ярких событий нашей молодости, тем становится все сложнее вспомнить и воспроизвести детали. Но пока время не поглотило всех нас, не засосало в черную дыру, из которой нет возврата, хочется сказать несколько добрых слов о тех наших друзьях-сокурсниках, кто покинул этот мир. Если мы не скажем о них добрые слова, то кто же скажет? Известно, что историю вершат победители, но тех, кто не успел стать победителем и ушел досрочно в направлении вечности тоже нельзя назвать проигравшими. Они жили рядом с нами, влияли на нас, формировали наши представления о мире и о самих себе.

Чем больше тебе лет, тем неизбежней возникающие сравнения между скудным прошлым и сытым настоящим все больше склоняются в пользу прошлого. Не романтизирую и не мифологизирую ушедший и безвозвратно сгинувший общественный советский уклад, но ведь естественно, что чем больше отдаляется от тебя период собственной молодости, тем ярче она представляется.

И вот я говорю о Володе Волнове. С ним мы учились в разных группах: я – в пятой академической, он – в восьмой. Он был на пять лет старше. Прошел армию, учился на подготовительном факультете.

Сказать честно, во время самой учебы, мы с ним практически не пересекались, жили как, впрочем, абсолютное большинство студентов по своим личным графикам и расписаниям. Но, конечно, на общефакультетских сходках встречались. Даже где-то есть фотография, где вместе пашем «на картошке». Какое-то время мы с ним вместе работали, сталкивались в рабочее время в курилках, а во вне рабочее на импровизированных футбольных полях.

Потом был банный период нашего общения. Волнов был страшным банщиком. И как-то одно время, по-моему, это был 1999-2000 гг., мы с ним регулярно по утрам ходили в Селезневские бани. Приходили к восьми часам. К самому открытию. Володя готовил утренний пар. Как оказалось, в Селезневских банях была группа фанатов утреннего пара. Вот Волнов

был их неформальным лидером. Он профессионально открывал огромную, по моим тогдашним меркам, металлическую дверь-заслонку, а расположена она была выше человеческого роста, и с энтузиазмом забрасывал туда полведра воды. Сумасшедший выброс пара разгонялся при помощи ручного вентилятора в форме огромного коловорота. Не знаю сохранился ли до настоящей поры весь этот инструментарий, но тогда все было именно так. К девяти мы заканчивали банные процедуры и свежие, хорошо разогретые, а иногда и перегретые, шли к метро Новослободская. Потом я сворачивал на Долгоруковскую, где тогда работал, а Володя ехал дальше.

Но тогда факты его биографии мне, честно признаюсь, были мне практически неизвестны. Только осенью текущего, 2015 года, через пятнадцать лет после его ухода я, повстречался с его дочерью Вероникой, чтобы кое-что получше узнать о Володе.

Родился Владимир Волнов в Москве в 1951 году. Жил в Москве, в районах вокруг Таганки: на Абельмановской и Нижегородской улицах. Из простой семьи. Отец работал слесарем-фрезеровщиком на заводе. Мама служила в одном из многочисленных московских НИИ, на неруководящей должности. После школы пошел в армию, служил в Казахстане в период 1970-72 годов. И именно армейский период, как считает его дочь, повлиял на его совершенно неожиданное для семьи решение поступать в МГИМО. По-видимому, в армии он как раз узнал о существовании этого известного вуза, поставил себе планку, и поставил высоко. Как мне рассказывала Вероника, демобилизовавшись, Волнов часами просиживал на кухне за книгами. Ей тогда было всего несколько лет, но эти моменты корпения отца над наукой она хорошо запомнила. Ему удалось, конечно, не без рекомендации партийно-армейских органов, поступить на «подфак» - подготовительный факультет, куда брали исключительно «рабочую молодежь» для цементирувания разболтанной массы вчерашних школьников, жизни не знавших и пороху не нюхавших. Как он учился на «подфаке», я сказать не могу. Вообще это явление – «подфак» – для меня абсолютно неизвестно. Я слышал о нем, но я там не был, не состоял, не участвовал. А потому сказать в принципе ничего не могу. Надеюсь, что мы с ветеранами «подфака» – Юрием Русаковым, Александром Ухалиным – еще посидим, понапрягаем память и вспомним если не все, то самое интересное.

Узнал я Володю Волнова хорошо вне рамок «учебного», а позже – «рабочего процесса», а именно через здоровый, если можно так сказать, досуг, а конкретно – через футбол.

Играл Волнов мастерски. Стиль игры его был активный, наступательный, даже агрессивный. Отлично помню как в постоянных стычках, а без них не обойтись, он яростно боролся за мяч, за свое право владеть мячом, быть победителем в единоборствах. Его наступательная манера игры полностью контрастировала с изящной мягкой манерой Пети Кокорева, или витражными финтами Алексея Ермолаева, других классных футболистов с нашего курса.

На поле Володя не жалел ни себя, ни соперников, ни партнеров, требуя максимальной самоотдачи. Не буду скрывать, что чаще всего требовательность его выражалась, как и у всех нас, в крепких мужских выражениях, адресованных тем, кто играл, по его мнению, не так как надо: чего-то недоучел, не добежал, не доложил, поленился.

Для него непререкаем был принцип: на поле начальников нет, здесь все равны. Люди для футбольных забав подбирались разные: сангвиники, холерики, меланхолики, военные, гражданские, парторги, комсорги, просто члены профсоюза. Никакой служебный или иерархический статус не защищал накосячившего от справедливой критики Володи в изящных формах обценной лексики. Как правило, никто не пытался обижаться, а если и пробовал, то это не встречало одобрения со стороны обеих команд. Если оценка справедливая, пусть и резкая – прими ее как должное и делай выводы. Только раз помню, один мелкий партийный деятель, человек откровенно не умеющий играть и случайно оказавшийся на поле попробовал огрызнуться, но встретив молчаливые, но выразительные взгляды своих партнеров по команде, быстро свернул попытки полемики.

Да, Володя Волнов был человеком эмоциональным, он быстро вспыхивал, но и быстро отходил. Зла, обиды не держал. Свойственной многим скрытой завистью не отличался. К работе относился ответственно, серьезно, на мой взгляд, иногда даже слишком. Что говорить – в жизни приходится играть в разные имитационные игры. Ведь понимаешь, что то, чем ты сейчас занимаешься – по большому счету никому не нужно, что это некий ритуал, архаичный, давно устаревший, но отменить который ни у кого не поднимается рука. В 80-е, какой-то относительно недолгий период мне было поручено, как ответственному и политически грамотному комсомольцу проводить раз в неделю политинформацию. Думаю, не надо напоминать, что это такое и как это все выглядит.

Прекрасно я понимал, что люди с высшим образованием, умеющие читать, могут прочитать передовицу «Правды» или подвал «Известий» и без меня. И, если серьезно относиться к рабочему времени, не стоит тратить даже 20 минут на пересказ своими словами того, что написано профессиональными журналистами-международниками с правильных классовых позиций. Но ключевой для тех времен принцип: «Партия сказала надо – Комсомол ответил – есть» действовал абсолютно и неукоснительно. И приходилось играть: собственными словами рисовать картины готовящихся империалистических провокаций и роста классовых битв. Аудитория понимающе поддакивала и кивала.

Когда я ближе узнал Володю Волнова, я понял, что заниматься имитацией – для него как острый нож. В 90-е годы у него были проблемы с работой. Ситуация настолько резко изменилась, что многие люди, предполагавшие долго и надежно существовать в советской системе, внутри нее, и по ее правилам строить свои служебные карьеры, оказались застигнутыми врасплох ее резким обрушением. Володя Волнов, по видимому, был одним из таких людей. Не являясь по духу бизнесменом, а скорее человеком желающим служить, но служить честно, по понятным и принципиальным правилам, он, стремясь найти что-то достойное, долгое время оставался невостребованным.

Один наш общий знакомый рассказал мне такой эпизод. В середине 90-х Володя ненадолго устроился в фирму «Майский чай». Бренд активно раскручивался, кто в Москве не знает «Майского чая». Ну, вроде устроился и хорошо... Но меньше чем через месяц знакомый встречает его и узнает, что Володя написал заявление. Естественно, возникли вопросы: как, почему? И в ответ Волнов сказал буквально следующее: «Мне новый начальник постоянно говорит, какую важную и ответственную работу мне предстоит сделать. А вот что именно делать – не говорит. Я три недели ничего не делаю. Я так больше не могу, я ухожу».

В наше время люди как правило, страдают многословием. Это такая форма бытового и карьерного существования, когда, не желая загружаться сутью вещей, их глубинному пониманию и изучению, желают утопить смыслы с потоке фонтанирующих слов. Многие используют этот прием, чтобы замаскировать свою никчемность. Сторонники этого метода будут безостановочно изливать на тебя словесные потоки, боясь затормозить хоть на секунду и не давая собеседнику ни мгновения, чтобы раскрыть рот и задать встречный вопрос, который разоблачит их пустоту и бессодержательность. Следует признать, что зачастую таким мастерам

слова удается достаточно долго морочить голову окружающим, но когда наконец происходит разоблачение, их падение в глазах образованного сословия происходит стремительно и бесповоротно, до дна, ниже дна, в бездну.

Володя Волнов многословным не был. Он быстро и верно распознавал суть находящегося перед ним человека. Его глаза смотрели на собеседника с плохо скрываемой иронией. «Говори, говори – читалось в них, – заливай, сколько хочешь, но я-то знаю цену этих слов».

Думаю, большинство из нас имеет вполне адекватное представление о тех, с кем им приходится сталкиваться на жизненных перекрестках – друзьях, любимых, сослуживцах, земляках. Никто из них не ангел, да и мы сами – не святые. Только с возрастом понимаешь, что если тебе в человеке что-то не нравится, не следует торопиться высказывать по этому поводу свое мнение. Если хочешь обойти острые углы – избегай публичных оценок.

Даже когда мы говорим какие-то слова и вроде как высказываем мнения – это не наши слова и не наше мнение. То есть наши, но только на мгновение, на сей миг. Через минуту мы с той же легкостью будем говорить прямо противоположное. И где же искренность? Где убеждения?

Набор общедоступных выражений ни о чем – дань модной политкорректности.

Несомненно, нежелание говорить искренне – это и средство самозащиты от «черной энергии», от негативного влияния чужих недобрых мыслей и замыслов. Пусть эти мысли и замыслы отскакивают от тебя, не рая душу и сердце. «Береги себя» – вот кредо нынешних преуспевающих или не очень офисных менеджеров и юных госслужащих. Ставить жесткую границу между своими интересами и интересами других, не вникать, не заморачиваться – стало базисной позицией. Ну а вот Володя Волнов постоянно опровергал эту позицию, все время заморачиваясь, высказывая неприятные вещи в лицо. Был искренен в любых жизненных ситуациях, даже тогда, когда это и не требовалось, и может быть, для него самого было бы лучше не давать собственных оценок, пропустить мимо, промолчать.

Во время утренних банных посиделок на Селезневке, иногда я пытался говорить с ним в том плане, что даже супер активным людям, к каким, несомненно, принадлежал Володя Волнов, в целях самосохранения приходится снижать обороты. Не секрет, что мы живем в такое время, когда стало нормой воспринимать друг друга как ресурс. В культуре

эксплуатации ресурсов, зачастую хищнической, до основания, без шансов сохранения и восстановления, руководители всех уровней редко задумываются о восстановлении психологических и нравственных сил своих работников, коллективов. Незаменимых же нет. Совсем не принято заботиться, помогать друг другу, рационально используя имеющийся в каждом потенциал. И совсем не кажется странным, что такие люди, как Володя Волнов, быстро растратив ограниченный природный запас имеющегося топлива, сгорая, сходят с орбит.

В период 1999-2000 гг. пути наши с Волновом снова пересеклись. В конце 90-х создавалась новая партия «Отечество – вся Россия», активно набирающая людей из правительственных и около правительственных структур. Один знакомый, долго работавший в ЦИК, предложил мне попробовать себя в этом новом деле. Но, отчетливо понимая, что партстроительство – это не мое, вежливо взяв самоотвод, предложил кандидатуру Володи Волнова. Через короткое время я узнал, что Володя прошел все собеседования, тесты и уже работает в штабе партии. Насколько, я помню, основной его миссией были командировки в дальние регионы Сибири, где шло наращивание региональных отделений ОВР. У меня было четкое ощущение, что после черной полосы, незаслуженно тяжелых ударов судьбы (незадолго до этого он потерял сына) жизнь стала как-то «налаживаться». Он сблизился с аппаратом Российского союза промышленников и предпринимателей, который в то время возглавлял В. Вольский, несколько раз летал вместе с ним в командировки. Все, казалось бы, пошло в гору.

И вдруг в конце ноября 2000 года – звонок. Звонит наш общий знакомый Боря Сироткин: «Сергея, – говорит он мне странным голосом – Я только что позвонил Волнову, а мне женский голос ответил, что он умер... Может быть, я ошибся номером...». «Ну, так – перезвони» – отвечаю... Пауза. «Сергея, может, ты позвонишь?». И тут я понимаю, что Боря как может, сопротивляется надвигающемуся ужасу этого известия. «Хорошо – отвечаю – я позвоню»... И позвонил. Все, к сожалению, подтвердилось. 26 ноября 2000 года Володи Волнова не стало.

Уже на похоронах узнал от близких, что он ехал в метро, когда у него открылось сильное кровотечение. Такси, которое он, выйдя из метро взял, чтобы быстрее добраться до дома, попало в пробку... Долго из-за пробок ехала «скорая». Много времени было упущено и спасти его не удалось.

По прошествии пятнадцати лет, хочу сказать лишь одно: мне запомнился Володя Волнов именно тем, что он не был человеком позы. Да, возможно, он жил нерационально, принимая зачастую эмоциональные, ошибочные решения, но он делал это искренне, полностью отдаваясь своим поступкам. В нем не было двойного дна. Эта такая редкость...

Москва, 06.12.2015

